

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-171-182

УДК 81

Поступила: 04.12.2024г.

Сдана на рецензию: 06.12.2024г.

Подписана к печати: 21.02.2025г.

МНОГОЯЗЫЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К.Р. Матинян

Российско-Армянский (Славянский) университет

karlenmatinyan@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2399-4182

АННОТАЦИЯ

В статье затронута проблема мультилингвизма, столь важная в современную эпоху глобализации. Интеллектуальная и психологическая способность восприятия индивидом, в нашем случае студентом, поликультурной информации – благодаря знанию двух или более иностранных языков, а также культурных традиций носителей этих языков, – дает ему возможность преодоления коммуникативных барьеров и налаживания партнерских отношений с разными фирмами и организациями во всем мире.

Здесь анализируются механизмы интерференции, т.е. переключения с одного языка на другой, которые могут помочь студенту найти наиболее подходящий вариант выражения своей мысли на нужном языке и извлечь максимальную выгоду из собственной мультилингвальной компетентности. Основываясь на результатах исследований специалистов, а также на собственном практическом

опыте, обосновывается тезис о том, что мультилингвы обрабатывают любую информацию быстрее и эффективнее, чем монолингвы.

Ключевые слова: многоязычность, эпоха глобализации, монолингвы, мультилингвы, межкультурные барьеры, мультилингвальная компетентность, лингвоструктура.

В мире, существование в котором становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, многоязычие открывает практически безграничные возможности, облегчает межкультурный обмен, способствует развитию многовекторных экономических и политических связей. Умение выражать свои мысли на нескольких языках предполагает в то же время знание менталитета и особенностей языкового мышления данного общества, а это, в свою очередь, дает возможность отдельным фирмам и организациям, в которых работают специалисты-мультилингвы, в эпоху глобализации напрямую налаживать контакты с партнерами из разных стран. Независимо от нашего желания, мир превращается в одно глобальное целое, и возникает необходимость изучения различных культур, и многоязычное образование может сыграть здесь решающую роль. Знание языка и культурно-исторических традиций той или иной страны в наше время становится важнейшей предпосылкой восприятия поликультурной информации и помогает избежать недопониманий в межкультурном общении.

Проблема многоязычия и межкультурного общения особенно важна для семей мигрантов и для студентов, желающих продолжить образование за рубежом. В обоих случаях это не просто незаменимое преимущество, а первейшая необходимость. К этой проблеме обращается исследователь Клэр Крамиш, затрагивающая вопросы адаптации мигрантов к новой языковой и культурной среде [1].

В этом свете, задача преподавателей иностранных языков – не только стремиться довести уровень знания второго иностранного языка до уровня первого, основного языка, но и наглядно показать студентам общность и взаимосвязь между языками, механизмы «перебрасывания мостов» от одного языка к другому, преимущество значительно

более быстрого овладения вторым (третьим и т.д.) иностранным языком при усвоении механизмов взаимосвязи между ними.

Специфика нашего (Российско-Армянского) университета диктует также необходимость «налаживания» связи двух «родных» языков с двумя иностранными. Известно, что многие армянские студенты – в силу социально-исторических обстоятельств – билингвы: они родились в Российской Федерации или с детства жили в русскоязычной среде, а значит русский язык для них такой же родной, как и армянский. Даже больше: часто знание армянского языка у них ограничено рамками повседневной бытовой разговорной речи в кругу семьи. И потому появляется необходимость параллельного «налаживания» механизма взаимосвязи и взаимодополняемости также двух языков, носителями которых они являются – русского и *литературного*, «*университетского*», армянского.

С другой стороны, эта изначальная билингвальность имеет свои преимущества при изучении иностранных языков, что мы рассмотрим чуть ниже.

Многоязычие можно разделить на внутреннее и внешнее. Внутреннее многоязычие относится к различным диалектам и языковым вариантам внутри страны. Это означает, что люди способны понимать и говорить на разных региональных, диалектных вариантах языка.

Примером внутреннего многоязычия является немецкий язык, который включает в себя множество различных диалектов – таких, как швабский, баварский, но и литературный немецкий. Даже в такой небольшой стране, как Армения, существует множество диалектов и говоров. Люди, выросшие в такой среде, имеют возможность изучать и использовать различные региональные варианты родного языка.

Внешнее же многоязычие, как уже подсказывает сам термин, подразумевает владение разными национальными языками. Это уже затронутый нами билингвизм, связанный с миграционными процессами или случаями, когда родители принадлежат к разным национальным группам. В той же Германии в настоящее время проживают люди из примерно 190 стран. С учетом того, что в мире сейчас официально насчитывается 193 признанных государства, можно утверждать, что в

Германии живут люди почти со всех стран мира. А, в целом, согласно статистике, примерно 65% населения планеты владеет несколькими языками, т.е. способно говорить более чем на одном языке в повседневной жизни.

Казалось бы, преимущество и польза многоязычности являются бесспорными, но иногда это ставится под сомнение. Делаются попытки найти аргументы против эффективности многоязычности студентов. Однако более близкое рассмотрение этого вопроса подводит скорее к обратным выводам. Об этом свидетельствуют и статистические исследования западноевропейских и американских ученых [2]. Противниками мультилингвальности выдвигается тезис о том, что активный словарь многоязычного студента значительно меньше, и в итоге он не сможет на должном уровне говорить ни на одном из языков, которыми владеет, во всяком случае будет говорить хуже, чем монолингвы [3]. Однако практика опровергает подобное предположение, так как при подобном сравнении необходимо учесть весь словарный запас, то есть все языки, на которых говорит студент. В итоге, получается обратная картина.

Практика показывает, что многоязычное образование способствует как когнитивному, так и креативному развитию студента, повышению эффективности усвоения разных языков, улучшению памяти, адекватному межкультурному восприятию реалий другой страны, другого народа. Многоязычные студенты лучше сохраняют и запоминают информацию, потому что они тренируют свой мозг, переключаясь с одного языка на другой, запоминать слова и использовать различные грамматические правила, так как переключение с одного языка на другой – это особая способность и отдельная функция мозга. Вопрос преимущества студентов-билингвов и мультилингвов – основная тема научного исследования Вайорики Мерион и Энтони Шука [4].

Так, к примеру, если студенты немецкого отделения, для которых английский является вторым иностранным языком, встречаются в новом тексте слово *misunderstanding*, им не стоит труда понять как структуру, так и значение этого слова, потому что им «на помощь» приходит немецкий эквивалент данной лексемы – *Mißverständnis*:

коннотация приставки, а значит, и всего слова – *misunderstanding* – им сразу становится понятной. Но надо учесть тот факт, что в данном случае речь идет о двух *германских* языках, между которыми – и в грамматическом, и в чисто лексическом плане – есть много общего.

Иначе обстоит дело при переводе и толковании этой же лексемы на армянском и русском языках. Если в немецком и английском языках это слово в первую очередь обозначает процесс, указывающий на неправильную (но не намеренную) интерпретацию того или иного высказывания, то русский перевод этого слова (*недоразумение*) показывает ситуацию, возникшую в результате этого процесса. В армянском же языке существуют оба этих варианта: *ընկրկման և ընկրկնացման* (*неправильное, искаженное понимание какого-либо высказывания*). Хорошо владея обоими «родными» языками, а также, по крайней мере, одним из указанных иностранных языков, студент может охватить все семантическое поле этого слова, равно как и всех немецких и английских слов с приставкой *miß-* (*mis-*).

Однако бывают случаи, когда взаимосвязь между грамматическими категориями армянского или русского языка с немецким или английским более наглядна и более продуктивна в плане усвоения того или иного грамматического явления, чем взаимосвязь между названными германскими языками. Примером может служить грамматическое и смысловое совпадение некоторых глагольных временных форм указанных языков. Рассмотрим разные временные формы английских глаголов в группе *continuous* и их соответствующие эквиваленты в немецком, армянском и русском языках.

Так, *настоящее продолженное* в английском – *present continuous* – не может быть четко понято на остальных рассматриваемых языках без применения наречия времени:

– I am going to school.

На всех трех остальных языках возникает необходимость постановки вопроса: *сейчас* или *вообще*? Если отсутствует какое-либо наречие времени, то при переводе на армянский или немецкий язык переводчик вынужден со своей стороны добавить наречие или словосочетание, указывающее на то, что действие находится в процессе.

В русском языке есть возможность альтернативного выбора: для *настоящего продолженного* – я *иду* (а в случае *настоящего простого* – я *хожу*) *в школу*. В армянском и немецком такой альтернативы нет, и потому для различения *настоящего продолженного* от *настоящего простого*, в первом случае необходимо использовать наречие времени, а во втором – заменить буквальный перевод слова *go* (*идти/ходить*) на синонимичное *посещать*:

– Ես հաճախում եմ դպրոց: (арм.)

– Ich besuche die Schule. (нем.)

Теперь рассмотрим то же самое предложение на английском языке в *прошедшем продолженном* (*past continuous*):

– I was going to school.

Армянский (*գնում էի*) и русский (я *шел*) переводы полностью эквиваленты оригиналу, чего нельзя сказать о немецком переводе – *ging*, которое скорее близко к английскому *went* (арм. *գնացի* – и рус. *пошёл*). Таким образом, знание армянского и/или русского может помочь правильно воспринять смысл приведенного английского предложения, а еще важнее – суть и значение глагольной временной формы *past continuous*.

Иначе обстоит дело с будущим временем, т.е. – *будущее продолженное* (*future continuous*):

– I shall be going to school.

Немецкий перевод данного предложения опять не передает смысловую парадигму английского оригинала глагола в этой временной форме: *Ich werde in die Schule gehen* – имеет два варианта перевода: «Я пойду в школу» и «Я буду ходить в школу», но ни один из них не передает точное значение оригинала, не указывает на то, что действие будет в процессе в определенном отрезке времени в будущем. Но ведь в этом основная суть и основная цель данной временной формы английского оригинала.

Русский вариант перевода этой временной формы скорее амбивалентен, чем эквивалентен по отношению к оригиналу: «Я буду идти в школу» – не совсем четко передает семантику оригинала, которую возможно передать на русский лишь изменив и дополнив конструкцию предложения: «в это время я буду на пути в школу».

Иное дело – армянский вариант перевода, который является полноправным эквивалентом английского: *Եւ գնալիս կընէմ դարձ*, и который уже изначально содержит в себе коннотацию конкретного отрезка времени в будущем: *այդ ժամանակ / այդ պահին – в это время / в этот момент*.

Не менее интересно соотношение эквивалентности переводных значений временных форм английских глаголов в группе *Perfect* (*совершенная форма*). Здесь налицо абсолютная эквивалентность обоих германских языков – английского и немецкого – как в прошедшем, так и в настоящем и будущем временах. Та же самая конструкция предложений, тот же самый принцип их построения, причем с применением того же самого вспомогательного глагола *have* (англ.) / *haben* (нем.) и той же формы Причастия II (Participle II / Partizip II).

Настоящее совершенное (Present Perfect):

– I have read this book.

– Ich habe dieses Buch gelesen.

В обоих случаях налицо совершенное, завершённое действие, результат которого очевиден в настоящем.

В русском переводном варианте сохраняются и суть, и значение оригинала: совершенное действие и его очевидный результат – *Я прочел эту книгу* (т.е. я знаю его содержание).

То же самое с полным правом можно сказать об армянском переводном варианте: *Եւ կարդացել էմ այդ գիրքը (գրեմքը ևս րիւնիւնիւնը)*. Однако преимущество армянского эквивалента заключается в том, что, несмотря на большую разницу грамматических категорий армянского языка по отношению к затрагиваемым нами германским языкам, между ними, в данном случае, есть существенная схожесть: в армянском, как и в английском/немецком варианте, основной смысловой глагол используется в форме причастия – с «сопровождающим» вспомогательным глаголом (*կարդացել էմ*), которого нет в русском варианте. И именно наличие вспомогательного глагола в армянском (как и в английском и немецком) дает преимущество по отношению к русскому при построении других временных форм этой группы, в чем убедимся ниже.

Прошедшее совершенное (Past Perfect):

– I had read this book.

– Ich hatte dieses Buch gelesen.

Русский переводный вариант в этом случае не претерпевает никакого изменения, полностью сохраняя форму и значение *Настоящего совершенного*: *Я прочел эту книгу*.

И дело не только и не столько в том, что русский переводный вариант, в отличие от английского, немецкого и армянского, не отражает значение давно совершенного действия, а в первую очередь в том, что он «выпадает» из той цепи, той грамматической схемы, которую мы называем *Согласование времен (Sequence of Tenses)*, и которая занимает важное место в синтаксисе всех остальных трех из затрагиваемых в данной статье языков.

Речь идет о строгом порядке согласования глагольных временных форм, при котором (как в английском, так и в немецком) *Прошедшее совершенное (Past Perfect)* должно, при любом раскладе, быть «в паре» с *Простым прошедшим (Simple Past)*, и указывать на то, что действие в *Past Perfect* было совершено значительно раньше той исходной временной точки, которая отражена в *Simple Past*. И благодаря функциональным возможностям вспомогательного глагола в армянском, здесь также сохраняется принцип вышеупомянутой последовательности времен:

– I **had bought** that book two years ago, and **gave** it to my friend yesterday.

– Ես **գնել էի** այդ գիրքը երկու տարի առաջ և երեկ **սփռեցի** այն իմ ընկերոջը:

В конце обратимся к форме будущего времени – *Будущее совершенное (Future Perfect)*. И здесь функциональная и семантическая эквивалентность вспомогательного глагола в армянском языке по отношению к английскому и немецкому играет решающую роль в правильном конструировании и использовании этой грамматической формы в переводном варианте.

– He will have read this book by the end of month.

– Er wird dieses Buch bis zum Ende des Monats gelesen haben.

– Նա կարդացած կլինի այս գիրքը մինչև ամսվա վերջ:

В данном случае отсутствие вспомогательного глагола в русском не дает возможности даже амбивалентного перевода этой грамматической формы в действительном залоге. Следовательно, единственно возможным вариантом относительно эквивалентного перевода этой временной формы на русский остается форма страдательного залога:
– *Эта книга будет прочитана им до конца месяца.*

Таким образом, в данном случае знание армянского языка на должном уровне позволит студенту лучше понять, легче усвоить и правильнее применить эту грамматическую форму как при переводе с английского (и немецкого) на армянский, так и наоборот.

Бывают, однако, случаи, когда уже русский язык служит незаменимым соединительным «мостом» для понимания тех или иных лексем и их видоизмененных значений в английском и/или немецком языках. Ярким примером этого может служить функциональная и семантическая соотнесенность приставок/префиксов в немецком и русском языках.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что знание нескольких языков может (по принципу цепной реакции) помочь «выискать» и к месту применить то или иное нужное слово, ту или иную грамматическую конструкцию, помочь найти наиболее подходящий вариант и извлечь максимальную выгоду из собственной мультилингвальной компетентности.

При этом, однако, нельзя забывать, что одним из недостатков мультилингва может быть сложность овладения двумя и более языками в совершенстве, или хотя бы на равном уровне. Даже если вы свободно говорите на двух и более языках, вам может быть сложно писать и отвечать на этих языках на том же уровне, что и людям, для которых данный язык является родным. С учетом этого, можно сделать вывод, что перед мультилингвом стоит перманентная задача увеличения усилий по поддержанию этих языков на высоком уровне (причем, как «родных», так и иностранных), что предполагает их регулярное применение, а также увеличение временных затрат на это.

Большим плюсом является тот факт, что билингвы и мультилингвы, как уже упоминалось, обрабатывают язык более эффективно, чем монолингвы, они лучше и быстрее справляются с концентрацией внимания, легко обретают навыки «жонглирования» несколькими языками. Тут «посредником» может стать преподаватель-мультилингв, который привет студентам «игровую» стратегию обучения, а сам выступит в качестве переводчика. Если двуязычные студенты в результате этих усилий будут иметь тот же словарный запас в «двойном измерении», то у четырехязычных, соответственно, он будет в четверном измерении.

Мультилингв имеет еще одну существенную мотивацию, которую можно оценить как большое преимущество: он может лучше оценить красоту и богатство изучаемого языка, имея уникальную возможность читать лучшие произведения мировой литературы в оригинале: наряду со знанием армянской и русской классики, появляется возможность читать Шекспира, Байрона, Фолкнера, Хемингуэя – на английском, Гёте, Рильке, Кафку, Ницше – на немецком, а также и научную литературу по специальности.

Однако для лучшего понимания сложных контекстов, необходимо, наряду с увеличением усилий для равноуровневого владения несколькими иностранными языками, обучающийся, с помощью преподавателя, отточить технику интерференции, т.е. переключения говорящего с одного языка на другой, с учетом специфики лингвоструктуры каждого из языков. Но только этого недостаточно: для качественного знания и применения другого языка необходимо развивать способность адекватного восприятия той формы мышления, которая свойственна именно данному языку. Одной только когнитивной гибкости здесь недостаточно. Перед студентом встает проблема преодоления культурных барьеров, что практически невозможно без непосредственной коммуникации с носителями языка: такая коммуникация, как известно, возможна путем участия в разных образовательных программах либо путем нахождения он-лайн партнера – носителя языка.

И хотя сегодня не очень «модно» цитировать классиков марксизма, но именно словами Маркса хочется завершить данную статью: «Иностранный язык – это оружие в жизненной борьбе» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kramsch C.* The multilingual subject. Oxford University Press, 2009.
2. *Ryan E.B. & Giles H. (Eds.).* The Routledge handbook of language and intercultural communication. Routledge, 2008.
3. *Gombos G.* Mehrsprachigkeit zwischen Bildungschance und Bildungsrisiko. Erziehung und Unterricht. Österreichische Pädagogische Zeitschrift, 158, 2008. PP. 10–19.
4. *Marian V. & Shook A.* The cognitive benefits of being bilingual. Cerebrum, 2012.
5. *Retzlaff-Kresse B.* Eine fremde Sprache ist eine Waffe im Kampf des Lebens (Karl Marx). Fremdsprachenunterricht, 3, 1983. PP. 58–61. URL: <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=2067505>

REFERENCES

1. *Kramsch C.* The multilingual subject. Oxford University Press, 2009.
2. *Ryan E.B. & Giles H. (Eds.).* The Routledge handbook of language and intercultural communication. Routledge, 2008.
3. *Gombos G.* Mehrsprachigkeit zwischen Bildungschance und Bildungsrisiko. Erziehung und Unterricht. Österreichische Pädagogische Zeitschrift, 158, 2008. PP. 10–19.
4. *Marian V. & Shook A.* The cognitive benefits of being bilingual. Cerebrum, 2012.
5. *Retzlaff-Kresse B.* Eine fremde Sprache ist eine Waffe im Kampf des Lebens (Karl Marx). Fremdsprachenunterricht, 3, 1983. PP. 58–61. URL: <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=2067505>

MULTILINGUALISM AND ITS ROLE IN THE ERA OF GLOBALISATION

K. Matinyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article touches upon the problem of multilingualism, so important in the modern era of globalisation. The intellectual and psychological ability of an individual, in our case a student, to perceive multicultural information – thanks to the knowledge of two or more foreign languages, as well as the cultural traditions of the speakers of

these languages - gives him the opportunity to overcome communication barriers and establish partnerships with different companies and organisations around the world.

Here we analyse the mechanisms of interference, i.e. switching from one language to another, which can help the student to find the most appropriate variant of expressing his/her thoughts in the required language and to get the maximum benefit from his/her own multilingual competence. Based on the results of specialists' research as well as on our own practical experience, the thesis is substantiated that multilinguals process any information faster and more efficiently than monolinguals.

Keywords: multilingualism, globalisation era, monolinguals, bilingualism, intercultural barriers, multilingual competence, linguostructure.